

Советская
интеллигенция
26 янв 1933

Артем Веселый

Голос начинающего

Свою работу в качестве драматурга я только начинаю. Когда я пробовал обратиться за помощью к существующим теоретическим пособиям по вопросам драматургии или пытался извлечь для себя нечто «поучительное» из драматических произведений моих старших собратьев драматургов, меня постигло крупное, разочарование. Считающаяся одним из основных пособий по вопросам драматургии книга Волькенштейна оказалась для меня сводом устаревших, бесплодных и ненужных истин. Я лучше совсем драм писать не буду, но учиться по волкенштейновским канонам не стану. Столь же мало поучительными оказались для меня и пьесы Киршона и Микитенко. Скука угоняла меня из театра после первого акта виденного.

И я обратился к классике. Но значение классики у нас страшно переоценивается. Вернее, переоцениваются пути их преодоления, переваривания нашими мастерами. Пушкин, Толстой, Гоголь — это была квинтэссенция культуры дворянского класса. Учиться у них слепо, старательно подражая, как это делают Фадеев и Лесков, — не искусство, а добросовестные упражнения в чистописании. Само учение у классиков предполагает наличие особого кропотливого и критического умения. Ибо как учиться у гения? Сама природа таланта еще не изучена. Когда сто разпородных линий, идущих в различнейших направлениях, скрещиваются в одной счастливой творческой точке, получается художник-гигант.

Поэтому я считаю, что образцы классики мы должны критически усваивать, с большим добавочным коэффициентом на современность. И не только в смысле своей собственной тематики.

В этом смысле у ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА мы можем и должны сейчас учиться не меньше, чем у многих из канонизированных фигур классического Пантеона. Хлебников воистину новатор чрезвычайной силы, до сих пор еще до конца не понятный и не изученный нами. У него учиться должны не только поэты, но и драматурги, ибо у него налицо качество, необходимое для художника в любой области искусства. Его острое восприятие поэтических и математических образов и крупнейших социальных явлений носит на себе следы дыхания универсального ритма. Это был

художник, который не только многое видел, но и умел многое провидеть. Его мастерской и творческой работе над словом я чрезвычайно многим обязан и в своей литературной работе.

Я лично всегда высоко ценил французских классиков и в особенности Мольера и трагиков XVII столетия — Расина и Корнеля. Вокруг тем их произведений всегда чувствуется какое-то глубокое окружение знаний, культуры, художественного умения. Я о знаниях здесь упомянул неспроста. Например, иной пролетарский писатель описывает у нас завод несколькими скудными фразами, избегая всяких технических нагромождений специальных терминов. А другой «писатель» размажет много страниц, где будут и сельфакторы и дократы и много другой технической иностранщины, а образа завода не получится.

Еще у классики надо учиться тому особому поэтическому жару, который так остро чувствуется при чтении флорберовского «Чуда св. Антония», над которым автор работал 20 лет. Французские классики XVIII и XIX веков питались молоком из смуглых соснов культуры всех прошлых веков. В их творчестве — переработанное мастерство и Рима, и Греции, и Испании. А у Хлебникова мы можем и должны учиться эмоциональной словесной культуре не прошлого, а будущего, которое он так гениально провидел.

Мною сейчас закончена пьеса «Гуляй, Волга», переделанная из одноименного романа. Сделанной работой я остался крайне недоволен и считаю ее неудачной — в ней слишком мало «действия».

Заканчиваю сейчас большую пьесу на тему о революционном подполье в тылу Деникина — «Железное братство».

Меня уже издавна интересует художественная тема о революционерах-подпольщиках. Это могучее племя борцов, отдавших свою жизнь революции еще тогда, когда у нас не было ни достижений, ни побед. А между тем именно им мы и обязаны в значительной степени самой победой Октябрьской революции.

Ко дню XV годовщины Красной армии мною написана одноактная пьеса из времен гражданской войны. Пьеса принята Радиотеатром.